

Смена - Санкт-Петербург - 1992. - 21 янв.

Фигаро — «там».

А здесь — ну очень редко

Мариинский театр — премьеры, спектакли, гастролы, концерты... Пишут критики — «правые» и «левые», судачат театроведы и музыковеды, дирижеры и режиссеры. Что же думают о родном театре солисты оперы! С этим вопросом я обратился к корифею нашей оперной сцены Сергею Лейферкусу. В последние годы он крайне редко появляется в Петербурге, не балуя своих поклонников ни спектаклями, ни концертными выступлениями.

— Сергей Петрович, где же вы сейчас работаете!

— Везде. Основные мои площадки — это «Ковент-Гарден» и Мариинский театр; работа в этих театрах занимает у меня примерно полгода, все же остальное время я провожу в «путешествиях», пересекая моря и океаны, поскольку география моих гастролей весьма обширна.

Дело в том, что западная система как бы «свободных художников» с приглашениями на контрактной основе в корне отличается от принятой в России. У меня с «Ковент-Гарден» существует договор, по условиям которого я провожу там, как минимум, две постановки в год, один сольный концерт, определенное количество других концертов — возможно, еще одну премьеру плюс записи. Этот контракт и определяет все мои прочие творческие планы, так как «Ковент-Гарден» имеет приоритет перед всеми другими театрами. Но когда у меня нет спектаклей ни там, ни в Мариинке — я свободный человек.

В январе, к примеру, я работаю в барселонском «Лисео», февраль — в Монреале, в марте — во Франции, а со второй половины марта я уже начинаю работать в «Ковент-Гарден» над «Огненным ангелом» — той постановкой, которая сейчас идет на Мариинской сцене.

— Значит, благодаря этому обстоятельству мы и встретились с вами ныне в Петербурге!

— Да, это было условием контракта. Режиссер хотел, чтобы я начал работу над постановкой уже здесь, и администрация «Ковент-Гарден» пошла навстречу — они ведь заинтересованы в хорошем, уже «сделанном» спектакле. И до августа я побывал в Англии, после чего еду в Сан-Франциско, а потом обратно.

— В Мариинку!

— Нет, в «Ковент-Гарден» — там у меня «Отелло» с Лучано Паваротти и с Кири Те Канава; дирижировать будет мэтр Лжордж Шолти.

— Однако недурная компания!

— Не говорите! Я волнуюсь уже сейчас — ведь Яго я буду петь впервые. Правда, у Лучано будет тоже дебют — ведь Отелло он пел раньше лишь для записи и в концертах, но никогда — в театре. Так что волнение

у нас будет обоюдным...

— Как же «дошли вы до жизни такой»!

— Творческие биографии складываются по-разному. Бывает, что человек сразу «взлетает» до уровня таких сцен, как «Мет», «Скала» и так далее. Другие же «поднимаются» постепенно — так было у меня.

Начинал я с Шотландской оперы, потом — Английская национальная опера — где, кстати, все приходилось петь на английском языке. Там я спел «Искатели жемчуга» и «Кармен». После этого я работал в Северной опере, и затем уже — в «Ковент-Гарден».

Я не хочу сказать ничего плохого о Мариинке и русских театрах вообще — но нам очень мешают то, что мы все подряд поем по-русски! У нас (правда, о себе я здесь уже не говорю...) нет опыта пения на итальянском, на французском, на немецком языках. А в связи с этим — нет умения петь в традициях определенной оперной школы! Мы Верди поем так же, как Вагнера, а Вагнера — как Бизе. Только по костюмам, декорациям да названию оперы выясняются особенности того или иного стиля. И, конечно, после этого русские певцы очень долго выходят на международную арену — ведь им приходится практически дважды учить одну и ту же партию. Кстати, у наших певцов очень скверное итальянское произношение, а про французский я просто не говорю! В современном музыкальном мире это уже просто неприлично.

— Кстати, радетели русского языка в опере тут же возражат вам на примере Национальной оперы, о которой вы уже говорили. Ведь там все поют по-английски!

— Да, но это единственный подобный театр на всю Англию! Остальные всегда дают оперу на языке оригинала. И между прочим, Национальная опера всегда «берет» своими удивительными, нетрадиционными, яркими постановками.

Молодым певцам я скажу: если есть возможность попеть на Западе — даже в небольших театрах, — это замечательно! Ведь мы получаем там колоссальную информацию, мы получаем школу. Помимо того, что можно показать заинтересованным людям свой талант, свой голос (что тоже

очень важно!), мы учимся тому, как живут на сцене наши коллеги, впитываем новые тенденции, узнаем о современных постановках, новых дирижерах — а это просто необходимо!

— Получается, что в области музыкального театра пресловутый «железный занавес» не исчез!

— Он существует и будет существовать еще очень долго. Потому что система «службы» артиста, принятая в советских театрах, — это самая настоящая кабала. Я стал свободным человеком где-то лишь около десяти лет назад. А до этого, даже если меня куда-нибудь приглашали, я мог даже не беспокоиться — театр отвечал: «Занят в репертуаре». В каком?! А во всем... Или, если я узнавал о приглашении, просто говорили: «Мы не можем тебя отпустить». И другим сейчас так тоже говорят! Здесь, уверяю вас, немногое изменилось. Факсы до артистов «не доходят», а в почтовом ящике через полгода находится письмо от импресарио: «Как жаль, что вы отказались...».

— Странно, ведь артист с мировой или европейской известностью поднимет престиж родного театра еще выше! Ведь и вы, выступая на сценах всего мира, не порываете с Мариинкой..

— Я уже чувствую ваш следующий упрек и сразу скажу о весьма существенной детали. Дело в том, что мой, к примеру, рабочий календарь распisan уже до начала 95-го года. Точные даты и время спектаклей, концертов, выступлений... Здесь же я не могу получить график спектаклей даже на март! Приезжать мне в марте или нет? Будет спектакль в апреле? Когда?! Никто ответить не может. Подобного беспорядка ни в одном театре мира вы не найдете. И я боюсь, что на нормализацию обстановки в этом отношении уйдет еще не один год. А я и так уже, как Юра Марусин, мог бы уйти на пенсию — слава Богу, двадцать три года пою на профессиональной сцене! Однако я считаю, что еще могу петь, и неплохо — но артистическая жизнь небесконечна... Я очень люблю Мариинку — это фирма, уважаемая во всем мире. Связано у меня с театром этим очень многое и очень многим я ему обязан. Конечно же, не только я приносив театр польу, этот процесс был взаимным. Я хочу оставаться солистом Мариинского театра и отдать ему, как говорится, все долги — если для этого, конечно, будет возможность...